

Ю. А. Пелединского-Мелецкого. Возвращаясь к рассматриваемой книге, критик писал: «. . . Нужно замечать такие пелености, чтобы показать, до чего доходит воображение, зараженное чтением романов, наполненных погрешностями всякого рода против языка и здравого смысла, и которые заглушают истинную чувствительность и удаляют от природы и простоты сердце и разум».⁴³

Привычные формы проявления чувствительности постепенно исчерпывают себя, начинают вызывать недоверие. Поэтому, стремясь сохранить глубокий нравственный смысл самого понятия, некоторые авторы начала XIX в. пытаются уже найти новые способы выражения своей чувствительности. В обращении «К несчастным» Ф. Ф. Иванов призывает «скрывать свои слезы», именно для того чтобы их не видели равнодушные и насмешливые люди: «Одни слушают их и не слышат; другие, слушая, скучают; третьи, и притом самая большая часть, принимают их с какою-то зыбкою недоверчивостию или насмешкою».⁴⁴

Соответственно писатели-сентименталисты все больше ощущают необходимость отмежеваться от ложной чувствительности, что видно, в частности, из высказывания В. В. Измайлова: «Не чувствительность, а думаю, злоупотребление чувствительности имеет порицателей своих, и, не входя в спор о значении слова *сентиментальность*, предполагаю, что, за неимением другого, оно определяет ныне ложную чувствительность».⁴⁵ Именно «сентиментальность» становится предметом порицания и насмешки со стороны позднейших поколений.

Так, М. А. Дмитриев писал: «Эта сентиментальность была — как бы определить ее? — чувствительность натянутая, накликаемая и совсем не моральная: под ней, бессознательно для тогдашних писателей, скрывалась тонкая чувственность; в области человеческих чувствований это было нечто совершенно ложное и достойное посмеяния».⁴⁶

Между тем с представлением об истинной чувствительности неизменно оказывались связаны серьезные нравственные искания русских писателей-сентименталистов. Характерно, что в их творчестве занимает такое важное место традиционная тема добродетели, понимаемой, разумеется, по-разному, но постоянно занимающей «чувствительного» человека. Не избавившись еще от бремени дидактики, сентименталисты искали новые пути нравственного совершенствования человека, и превозносимая ими «истинная чувствительность» помогала открыть неведомые ранее этические ценности. В то же время напоминание о «ложной чувствительности» подвергало их проверке, предостерегало от пагубного подражательства и пошлости.

⁴³ Там же. С. 115.

⁴⁴ Иванов Ф. Ф. Сочинения и переводы. М., 1824. Ч. 1. С. 27.

⁴⁵ Российский Музеум. 1815. Ч. 4, № 10—11. С. 150—151.

⁴⁶ Дмитриев М. А. Князь Иван Михайлович Долгорукой и его сочинения. М., 1863. С. 181.